

Дунай (13)

Што во том же во ģороди во Киеви,
Што у ласковово князя да у Владимира
Был сб(ы)ран стол, почёсен пир,
И розоставлёны были столицки дубовыя,
И ус(ы)ланы скатерти шелковые,
Да уношены яствы-те сахырны,
Да и розоставлёны напивоцки раз(ы)ныя.
За столом-то и все сидели князя и быйяра,
Все сильнее-храбрые-могущие богатыри.
За столом(ы) все да наедалися,
Да за чесным все напивалися,
Да все были п(ы)яные-весёлы.
Да Владимир-князь похаживал
По светлой гриднюшке.
Да и он сапог о сапог да поколачивал,
И он златыма-ти перстнеми да как пощалкивал,
И русыма кудрями-ти он спотрехивал,
И тихую рециньку-то он спроговорил:
«Уж и вы ой еси, князя и быйяра,
Все сильные-храбрые богатыри!
Да уж все вы у меня в ģороде поженены,
И красные девици замуж все повыданы —
Да тол(и)ко я, блад ясён сокол, холбст хожу!
Где вы не знаите ли-ка мне да молодой жены,
Молодой жены — полюбовнице:
Штобы походецка была у ей — гусиная,
Да тїха рець — да лебединая,
А де оци-ти ясны-де — как у сокола,
Да цёрны б(ы)рови штобы были — 'у соболя?».
За чесным столом все да приумолклисе:
Да старшой-от кроется за срёдного,
А средней-от кроется за млад(ы)шого,
Где как от младшего — и от ответу нету!
Да за чесным столом сидел Добрынюшка Никитич блад.
И выставал он-де на резвы ногї,

Де и тиху реценьку-ту спрогóворил:
«Уж и вы ой еси, Владимир-князь,
Владимер-князь да стольно-киевский!
Уж вы поз(ы)волите мне-ка слово вымолветь,
Слово-то вымолветь, да рець прогóворить!
Ты поз(ы)волил-ко слово вымолветь,
Слово-то вымолветь, да рець проговорить.
Уж вы ой еси, Владимир-князь,
Да Владимир-князь стольно-киевский!
Как есь у вас во городе во Киеви —
Де сидит тут 'сорокасажоном подгрёбу —
Тут названней да мой брателко,
Да Задунай да сын Ивановиц.
Он знает да вам-де молоду жону,
Молоду жону, да полюбов(ы)ницу!»
А тут и были пос(ы)ланы к подгрёбу предверники:
Де отворили двери-ти у подгрёба —
Тут Задунай-то да сын Ивановиц,
Он и сидит читат свето Евангелиё.
«Уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиц!
Ты выходи ты-ко вон из подгрёба:
И жалует Владимир-князь вас да на почёсен пир!»
Он одну ногú прикорчил, другú приростянул же —
И выпрыгнул вон из подгрёба,
Как лев(ы)-зверь из вертепа же:
Де сам и волосом оброс весь до поеса!
И пошел он да ко краснú крыльцю.
Да пошел он да на чесно крыльце —
Да ступень да ступеня от ёво огибайце!
Де во светлы сени зашел — и сени те пошаталисе!
Де заходил он во с(и)ветлу гриднюшку:
Де он Богу тут молитца,
Да крест-от тот кладет по-писаному.
Де как поклоны-ти ведет он по-уцёному.
Де тут садили его да за чеснý с(ы)толы,
Де подносили ему чару зеленá вина,
Де как не велику, ни малу — да полтретья ведра.
Тут принимает он чару ту одной рукой,
И выпивает он чару ту за единый дух!

И приносили ему вторую чару-де зеленá же вина,
Как не вéлику, не малу — да полтора ведра́.
Тут принимает он чару ту одной рукой,
И выпивает он чару [за] единый дух!
И тут оци-те ясны замутилисе,
И все-ка могуцие плечи да расходилисе.
И се тут подходил к ему Владимир-князь:
«А уж ты ой еси, Задунáй да сын Ивановиц!
Где ты не знашь ты-ка где мне молодой жоны,
Молодой жоны, да полюбовницы:
Штобы походецка была у ей — гусиная,
А и тихá рець — да лебединая,
А и оци ясны — как у сокола,
Де церны б(ы)рови штобы были — 'у соболя,
Да штобы мошно было бы мне и назвать ей да молодой жоной,
Молодой жоной, да любовницей!» —
«Ой де уж вы ой еси, Владимир-князь,
Владимир-князь да стольно-киевский!
Как жил я, проживал во городе во Волхове
Што у того же короля и Волхóвницкого
Де тридцать три годицка.
Где как и есь у его две доцери.
Да первая доць — Настасья да королевишня:
Та только приудалая-злая полени́ця же.
Де как есь вторая же доць — Опраксия-королевишня:
Та только сидит-содёржитца
За двенадцатима дверьми зáпертыма,
За двенадцатима замками замкнута крепкима,
А де тут при ей стоит стража превеликая.
Де у той-то походецка — гусиная,
Де и тихá же рець — да лебединая,
Де оци-ти ясны-де — как у сокола,
Де церны брови — да как у соболя.
Ту бы не стыдно было вам назвать-де молодой жоной,
Молодой жоной, полюбовницей!» —
«Ой уж ты еси, Задунáй да сын Ивановец,
Ты поезжай ко ей сватайсе!
Де ты бери-тко-си у меня, да сколько чего тебе надобно:
Да золотой казны бери-тко, сколько тебе хочется,

Или войская бери, сколько тебе требуетце!» —
«Ой, де уж вы ой еси, да вы Владимир-князь,
Да Владимир-князь стольно-киевский!
Мне ничогó вашо не надыбно!
Де только дайте мне с собой названого братика —
Добрынюшку Никитича,
А да возврати-тко-сь мне старого резва
Моево коня да боғатырскова,
Да возврати-тко-сь вы мне сбрую мою боғатырскую!» —
«Де уж ты еси, Задунай да сын Ивановец!
Как некуда ничево твоё не дёвано:
Твой кон(и) старой да стоит во стоилах,
И ес<т> он пшеницу»...
Уже получаёт он коня старого,
И получаёт он всю свою сбрую боғатырскую;
Де одеваюца во латы во жалезные,
Да отправляюца тут оне да в путь-дороженьку.
Де как поехали с Добрынюшкой со Никитицём
Еще к тому же городу к Волковицку.
Еще ехали оны дорогами прямоезжима,
Да как подъехали ко городу Волховницкому,
Да остановились они да на чистом поли,
Де тут соскакивали они со резвых коней.
Оставляет он Добрынюшку Никитича а-де у резвых коней,
А сам он город-то пешком пошел.
И подходил он ко краснó крыл(и)цю,
Да заходил он да на краснó крыльцё,
А де заходил он во светлу гриднюшку:
Тут ведь он Богу молитце,
Да крест-от кладёт он по-писаному,
Де как поклоны-ти ведёт он по-уцёному:
«Де здрастуйте вы, король Волхонскей!» —
«Да здрастуй же, Задунай сын Ивановиц!
Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиц,
Де-ка куда же у те лёжит путь-дороженька?
Или по-старому ты-ко, по-прежнему ко мне служити пришол?» —
«А де уж вы ой еси, король Волховницкий!
А я не по-старому, не по-прежнему — не служить пришол:
Я пришол к вам о добром деле — да все о сватовстве.

Де как есь у нас во городе во Киеви
Да как Владимир-князь-де стольно-киевской —
А как есь у вас доци-то, Опраксия-то королевишня.
Да как не мошно ли их вместо свести,
А с вами-то род и завести?» —
«А де уж и ты ой еси, Задунай да сын Ивановиць!
Как предложение твое мне не пондравилось,
И мошь поворот-та-от дати, да и вон итти!»
Он повернулсе, да и вон пошол.
И зацал он да рвать замки креп(ы)кия,
Де зацал он отворёт да двери заперты,
Тут зацал же он бить стражу сильную!
Де прирывал он все тут замки-то крепкия,
Де приотворил да двери запертыя,
И де ка' прибил он всю ту стражу сильную.
И де заходил и он ко Опраксии-королевишни:
«Да здрастуй, доць Опраксея-королевишна!» —
«Де здрастуй же, Задунай да сын Ивановиць!»
Тут берёт он ей да за праву руку,
Де как повел он ей вон из светлой светлицы.
Де тут доц(и) та Опраксея-королевишна,
Де-ко она да расплакаласе,
Де отцю-матери да приразжалиласе:
«Де как в добрых-то людях ведь дётсе:
Де отдают дочерей своих в замужество-де пиром да сваёбным —
А вы отдаваити да меня кроволитиём превеликием!»
И подходят же к ему навстреченьку:
На златых блюдах подносят яства сахарныи,
Да на других блюдах подносят напитки раз(ы)ные,
Де ка' поклоны-те ведут ему до земли
И жалуют его да на почесён пир.
Отвичает он ему с дерзосью превеликою:
«Де на приезде вы гостя не употчовали —
Дак на отъезде вам ёво не употчевате!»
Де подходил он ко Добрынюшке Никитичу —
Де ка' Никитич-то ждаты да весь соскуцился;
Де тут сядились они да на резвых коней,
Как поехали ко городу-то ко Киеву.
Де тут доць Опраксея-королевишня

Де как она да прирасплакаласе:
«Кабы была бы дома у меня да родна́ сест(ы)ра,
Де доць Настасья да королевишна, —
Да бы, наверно бы, не была я у вас в руках!»
Ах, и тут в то времецко Настасья-то королевишна,
А де-ко она домой вернуласе —
Да не застала она домой родной сестры,
Де тут Опраксии-королевишни.
Да бросилась она в догонюшку превеликую
Де Задунай до сын' Ивановича!
Он в пути-дорожки пристановилсе,
Де как соскакивал он да со резва́ коня,
Де как припадывал он и ухом к матери сырой земли —
Де как тут учул он топот-от кони́ный,
И де как узнал он над собой догонюшку.
«Де уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиц блад!
Да ты бери-тко-ся Опраксею-королевишну,
Де поезжай ты-ко с ей ко городу ко Киеву —
А я поеду настрецю-ту догонюш(и)ки!»
Де повернулся он, поехал он внастреценьку,
Де как завидел он Настасью-королевишну.
Де гонит она своёво-то резва́ коня:
Де из-под копыт-то кониных и выворациваится
Мать сыра земля, как лютые пеценьки,
Де из ушей(и) от коня тут пар стол(ы)бом стоит,
Де из ноздрей у коня да искры сыплютсе.
Де съехались они, приостановилися.
Де стрéлил Задунай он да сын Иванович —
И цёрёз он ей тут да перéстрелил.
Де стрéлила как Настасья-та да королевишня —
Де ка' правой гла́з да у его тут выстрелила!
Де как съехались они, ударили
Друг дружку копьями-ти вострыма —
Де у обех у их копыа поломалисе.
Де съехались они, ударили опеть
Друг дружку кóнцами тупыма же —
Де как она его из седла тут вышибла!
А тут соскоцили они со резвы́х коней
И как схватилиси драцце на рукопаш(и)ной бой.

И у Настасьи-то королевишне де ка' ухватка была женскея:
Де ка' у ей одна нога-то приукатиласе,
Де как другá нога приобломиласе —
Де тут она на мать сырú землю взвалиласе.
Де как подходил да Задунай да сын Ивановиць,
Стал разворацывать латы-ти жалезные:
Де ка' хочёт он у ей пороть-то тут белы́ г(ы)руды!
Да и розворотил он латы-ти жалез(ы)ныя —
А де увидел он и у ей титки женскии.
Де ка' берет он ей да за праву́ руку́,
Де поднимает он от матери сырой земли,
Де как целует он у ей да уста са́хар(ы)ны:
«Де ты здрастуй, дочь Настасья да королевишня!» —
«Да ты здрастуй же, Задунай сын Ивановиць!» —
«Уж ты ой еси, Настасья да королевишня!
Де как идёшь ли да ты за меня в замужество?» —
«Де уж ты ой еси, Задунай сын Ивановиць!
Да кода я тепереця у вас в руках —
Дак делай же ты надо мной, што тебе требуице!»
Де тут садились они да на резвы́х коней,
Тут поехали ко городу ко Киеву.
Де как подъехали ко красну крыл(и)цу,
Де остановились они да у красна крыльца.
Выходил к им настречу Владимир-князь
С Опраксей с королевишной:
«Уж ты здрастуй же, Задунай сын Ивановиць!
Здрастуй же, Настасья да королевишна!» —
«Да драстуйте вы, Володимер-князь,
Вы Володимер-князь да стольно-киевский!
Да драст(ы)вуй же, доци Опраксия-королевишня!»
Де заводили их во светлы светлицы,
Да как садили их да за пировы́ столы.
Де Задунай-от да сын Ивановиць,
За пировым столом он прина́пился,
Де прина́пился да приросхваствылся:
«Де ка' нет на свете меня сильнее,
Да нет на свете меня стрелка метнее,
Да нет на свети меня сделисте-сметисте!»
Де у Настасьи-то королевишны

Как боғатырское-то сердцё разгорелосе —
Да не мог(ы)ла она во словах да воздёржатисе:
«Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиць!
Как хвастышь ты да пустымá с(ы)ловьмí!
Де как и мы с тобой на встрече-то да съехались,
Да ты меня стрелíл — через ведь перéстрелил,
Де я тебе стрéлила — правой глаз да у ти выстрелила!
Да съехались мы, ударили друг дружку кóпьеми-ти вострыма —
Де как у нас с тобой копья те поломались.
Де съехались опéть, ударили друг дружку кóпьеми тупыма же —
Де как я тебе из седла-то тут вышибла!»
Де у Задуная-то сына Ивановиця
Как боғатырськое сердце раскипелосе!
Де как задумал он ехать в цистó полё-то стрелéтисе,
Де все без лат да без жалезных:
Де поставить-ти на главу златóй перстéнь,
И как который сквозь пёрстень прóстрелит,
Да и с головы-де перстень же сронит же.
Тут стрéлила Настасья же королевишна —
Де как она сквозь перстень прострéлила:
Де на главы перстень не трох(ы)нулсе!
Де стрéлил и Задунай да сын Ивановиць —
Де церёз он ей тут перéстрелил!
Де как другой-от раз стрéлил — да ей не дóстрелил!
Да тут Настасья да королевишна
Де как она ему взмолилася:
«Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиць!
Да ты прости-тко меня 'моей глупости,
Де ты во словах моих да невоздержноих,
Де ты в прискорбности моей да превеликоей!
Перво прóстрелил ты меня — цéрез перéстрелил,
Да как другой раз-от стрéлил ты меня — не дóстрелил,
Де как третью раз ты стрéлишь ты — мне-ко во белы грудí!
Де во белых грудях и есь у меня от вас зачáт младéнь:
Де по локóть да руки в золоте,
Де по колен да ноги в серебри!»
Де у Задуная-та сына Ивановиця
Как боғатырское сердцё не ук(ы)ротилосе:
Де третьей-то раз стрелíл он ей белы груди!

Де тут Настасья-те королевишна,
Де она на мать сыру землю взвалиласе.
Де подходил и к ей Задунай-от да сын Ивановиць,
И распорол он у ей бѣлы груди —
Да во белых грудях нашол у ей младеня же:
Де по локоть-де руки в золоти,
Де по колѣн да ноги в серебри.
Де у Задуная-де сына Ивановиця
Как богатыр(и)ско сердцѣ розгорелосе:
Де как поставил и он своё востро коп(ы)ѣ
Де ка' тупым концом-от к матери сырой земли,
Де как острым концом кверху уже —
Де навалился своей он да белой грудью да на вострѣ копьѣ,
Де заколол он тут да сам себя!
Де как от крови от евонную
Де протѣклá да тут быстра́ река —
Де наз(ы)вáлась она да Задунай-рекой.

(Зап. И. М. Левиной 15 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Палкина Александра Ивановича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.